породы боевых лошадей, обозначавшейся словом *бахмат*.

В русском и польском языках это слово известно с XVI века (в русском — уже с начала этого столетия). Незадолго перед тем обострилась борьба против татаро-монгольского ига, рухнувшего в 1480 году. Участившиеся военные столкновения русских с татарами способствовали появлению у них названия боевой татарской (ногайской) лошади — бахмат. У самих тюркских народов, судя по этимологическим и лексикографическим материалам, такого термина нет: источник его — популярное и любимое у тюрков личное имя Бахмат (и Mähmät) — 'Магомед' от арабского Мухаммад — 'хвалимый'. По имени всадника, которым чаще всего был Бахмат, противники татар стали называть и его боевую лошадь.

После взятия Астрахани русскими (1554) и под давлением враждебных им калмыков воинствующая часть ногайцев двинулась по южнорусским степям на запад и с разрешения турецкого султана Сулеймана II поселилась в 1569 году в южнобессарабской степи Буджак, которая в старину представляла собой дикую равнинную местность. Отсюда ногайцы и совершали набеги на ближайших соседей в Молдавии, Румынии, Польше, России, на Украине (в Подолии). Не удивительно, что именно у этих соседей бытовал термин *бахмат*; не случайно в русских справочниках бахматы упоминались как «длинногривые твердокопытные подольские лошади», а в румынских — как «буджакские кони».

В XVIII веке ногайцы совершенно оставили Буджак; примерно с этого времени термин *бахмат*, превратился у восточных славян, поляков, румын и молдаван в поэтический архаизм. Как живое разговорное слово, исключая украинское диалектное *бахмет* 'бахмат' и польское литературное bachmat 'толстяк', 'человек с отвислым животом' оно в этих языках не встречается.

На Руси *бахмат* наиболее активно употреблялось в XVI — XVII веках на западе и юго-западе.

Г. Ф. ОДИНЦОВ

ВЕСЕЛАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

ТАРАКАН В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Специалисты по истории русских слов уже давно установили, что слово *таракан* по происхождению тюркское заимствование, но окончательный его источник определить довольно трудно. Одни считают, что оно восходит к тюркскому причастию на *-ган* от глагола *тара* 'расходиться, распространяться, рассеиваться, размножаться' (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий): *тара-ган* — буквально 'расходящийся, разбегающийся'. Однако это объяснение принято быть не может: в нем остается неясным, почему в слове вместо ожидаемого звонкого *г* в русском языке имеем глухой согласный *к* между гласными.

Финский тюрколог М. А. Рясянен выдвинул другую этимологию: русское слово, по его мнению, происходит от чувашского причастия на *-акан*, образованного от глагола *тар* 'бежать, убегать'. В других тюркских языках чувашско-булгарскому глаголу *тар* закономерно соответствуют формы *тез* 'бежать, убегать', 'удаляться, отстраняться' (древнетюркский), *тес* 'убегать' (шорский, хакасские диалекты), *дес*, *дез* 'убегать, скрываться' (тувинский). Следовательно, булгарско-чувашское по происхождению слово *таракан* буквально значит 'убегающий, скрывающийся'. Но нужно также помнить, что чувашский звук *к* в положении между гласными частично озвончается, становясь полузвонким, а поэтому и здесь в русском мы могли ожидать *г*.

Упомянутые объяснения не очень хорошо согласуются с тем, что в древнерусских памятниках, начиная с XVI века, это слово писалось *тороканъ*: в рукописном лечебнике, названном «Травник» и переведенном немчином Н. Любчаниином в 1534 году (список XVII века), упоминаются «клопы и тороканы», «черви и тороканы во ушахъ». Передача тюркского предударного гласного *а* (более краткого, чем ударный звук *á*) гласным *о*, который в древнерусском был более кратким по сравнению с *а*, часто встречается в старых заимствованиях из тюркских языков. Например, тюркский этноним (название народа) *қазар* в древнерусском передавался, как *козаре*, но в греческом и латинском — *хазары*; тюркское қазақ отражено в русском в виде *козак* и *казак*. Именно старинная русская форма *тороканъ* легла в основу литовского слова tarakõnas 'таракан', где наблюдается характерная для древних литовских заимствований из славянских языков замена славянского звука *а* литовским *о*: славянское *о* и литовское *а* были звуками краткими, а славянское *а* и литовское *о* — долгими, причем огубление как славянского, так и литовского *о*, вероятно, было незначительным. В то время долгота и краткость соответствующих звуков играла бóльшую роль, чем их качество.

Правда, написание и произношение *тороканъ* держалось недолго. Например, англичанин Ричард Джемс в 1618—1619 годах записал слово с отражением акающего произношения: táracan с пояснением «a blacke thinge lake beatle, Scot. a clock» [черная тварь, похожая на жука, по-шотландски *клок*] (Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса, 1618—1619. Л., 1959). Еще раньше такое написание встречалось в знаменитом «Домострое»: «всякие суды съ естьвою [едой] или квашня... всегды бы покрыто было... и повязано от тараканов и от всякия нечистоты». В такой же форме употреблял его протопоп Аввакум: «Никто ко мнѣ не приходилъ токмо мыши, и тараканы и сверчки кричатъ» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное). В старинных русских пословицах по сборнику XVIII века, изданных П. К. Симони, читаем: «Арканъ не тараканъ: хотя зубовъ нѣтъ, а шею ѣстъ».

Упоминаются тараканы и в так называемых лечебниках — «О сверчкахъ і о тараканехъ. істопи ізбу ясенем добре і вмечи в печь конопляныхъ головищъ какъ спестъ семя ізомретъ всякое нечистое» (Лечебник конца XVII — начала XVIII века из собрания В. Н. Перетца). Сходный рецепт содержится и в Лечебнике 1763 года из того же собрания: «Выгнать тараканы и сверчки; истопить избу ясновыми дровами гораздо, да мечи в печь конопляного семена и скутай накрепко и выходи вонъ со всемъ дни на три; все помрутъ». Там же и другой ре-

цент — об извлечении тараканов из уха: «У кого тараканъ или сверчокъ воидетъ в ухо тот часъ разведи соли с водою или вином густо да влеи в ухо тотъ часъ умретъ изогни булавку и выволочешъ».

Еще большие трудности ожидают этимолога, если он попытается определить происхождение украинских названий таракана: *тарга́н, тарка́н,* которые нельзя объяснить из *таракан, тараган,* ибо в украинском языке безударные гласные хорошо сохраняются. На возможное существование в русском языке конца XVII века такой же формы, как в украинском, указывает Генрих Вильгельм Лудольф, автор вышедшей в 1696 году в Оксфорде «Русской грамматики», которая была написана по-латыни. «Inter insecta peculiare est Russiae *Torcan*, brucchi species, licet non volet, domus ligneae valde iis statent, noxium tamen non est insectum» [Обычнейшим в Руссии животным является *торкан,* вид точильщика, не летающий, обильно водится в деревянных домах, но вредным назвать его нельзя] (Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937). Не исключено, что здесь форма *торкан* появилась ошибочно, но ее существование все-таки весьма вероятно.

Соотношение между украинскими *таркан, тарган* и русскими *тороканъ, таракан* можно объяснить, если предположить, что в украинском языке отражена фонетически более старая форма, а в русском слово испытало преобразование сочетания *ар* (или *ор*) между согласными в так называемое полногласное сочетание *оро.* Такое изменение произошло, например, в имени императора Карла Великого (умер в 814 году), превратившемся в русском языке в нарицательное существительное *король.* Вероятно, в украинском *таркан, тарган,* будучи сравнительно новым заимствованием, сохранило свой более древний тюркский звуковой облик, а в русском оно подверглось раннему преобразованию и дошло до нас в измененном виде.

Тараканы были не очень приятными жителями избы, для их истребления приходилось *тараканничать* 'морозить тараканов, выбравшись на несколько дней в другую избу и выставив, в мороз, окна', или призывать *тараканщика* — изводчика тараканов. Но вообще к тараканам относились спокойно, иронически, о чем говорят народные русские пословицы: «И большой таракан не мерину чета»; «Маленькая рыбка лучше большого таракана»; «Таракан не муха, не взмутит брюха». Такое отношение к тараканам, возможно, было связано с поверьем, что тараканы предвещают удачу: черные тараканы заводятся — к прибыли; прусаки и тараканы размножаются — к добру; более того, они предупреждают о несчастье: тараканы (или мыши) из дому ползут перед пожаром. Поверья такого рода были известны давно, их упоминают проповедники XVIII века (см. работу Н. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси». Т. II. М., 1913).

С присутствием тараканов в жилом помещении смирялись как с неизбежным, хотя и небольшим, злом: «Избу сруби, а тараканы свою артель приведут»; «Была бы изба, будут и тараканы»; «Тараканы — первые жильцы, новоселы, избу обновляют, наперед жильцов перебираются». Упоминался таракан и в других пословицах, про него складывались такие же иронические загадки: «Бежит бык о шести ногах: сам без копыт, ходит не стучит»; «Черен, да не ворон, рогат да не бык, шесть ног без копыт»; «Нашего быка дома не любят, на базаре не купят»; «А что над нами вверх ногами?». Последняя загадка могла относиться и к мухам на потолке (см.: Словарь В. И. Даля).

Для выяснения этимологии (происхождения) русского слова *таракан* важно учесть эту обстановку веселого, иронического отношения к незваным жильцам крестьянского дома, в которой они могли получить шутливое название.

От настоящих жильцов избы тараканы отличались тем, что они не облагались никакими налогами, податями. Именно по этому немаловажному признаку тараканы и были остроумно названы: их отожествили с лицами, имевшими древнетюрк-

ский почетный титул *тарқан*. Перед прочими обывателями *тарқаны* имели одно преимущество: они освобождались от уплаты каких бы то ни было податей. Отсюда русское преобразованное *тороканъ*, *таракан* и украинское *таркан*, *тарган* без преобразования *ар* в *оро* (в украинский язык оно попало позже, чем в русский, в эпоху, когда переход сочетания *ар* или *ор* в *оро* перед согласными уже перестал быть живым фонетическим процессом).

Титул *таркан* известен уже в древнетюркских письменных памятниках: *тарқан, тархан* — 'титул правителя' (Древнетюркский словарь. Л., 1969). Л. З. Будагов в своем капитальном «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» сообщает о тарханах следующее. Так назывался «человек, свободный от податей и повинностей... свободно вступающий в палатку хана и свободно выходящий из нее, которому прощаются проступки 9 раз; права эти переходят в потомство до 9 колен; тарханлык (тарханство) — звание, коим хан жаловал кого-либо, избавляя от повинностей. По-монгольски *тархан* значит 'кузнец, мастеровой, вольный человек', так как, по преданию, кузнец вывел монголов из долины эркене-кунъ, и в честь его установлено было звание тарханов, свободных от налога и пр. По другому преданию, сам Чингисхан был кузнецом, и ковал железо при горе Тархан... Ярлыки, которые давались ханами на это звание, называются тарханными; к ним относятся и данные русскому духовенству, сохранившиеся в русском переводе». В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» указывает также, что слово *тархан* у тюрков использовалось как часть имени собственного и что оно употреблялось как название чагатайского племени. Чувашский язык сохранил этот историзм в виде *турхан* (в диалектах также *торхан*) как обозначение привилегированного класса тарханов, а также в названиях чувашских селений, отсюда и русские названия типа Тарханы.

Добавим, что титул *тарқан*, *тархан* отмечается в разных средневековых источниках — китайских, византийских, армянских, согдийских, среднеперсидских, протобулгарских надписях Болгарии и др.

Хотя собранные Л. З. Будаговым предания о происхождении титула *тархан* и пересказываются многими, вероятно, они основаны на так называемой народной этимологии. Происхождение этого широко распространенного титула не вполне ясно; подобно многим другим тюркским наименованиям почетных званий и титулов, оно скрывается в глубине веков.

Автор недавно вышедшего в Финляндии «Опыта этимологического словаря тюркских языков» (Хельсинки, 1969) М. А. Рясянен считает тюркский титул *тархан* состоящим из двух: тар+хан. *Хан* достаточно хорошо известен; *тар* в свободном виде нигде не отмечен, но встречается в составе титула *тарым*, присоединяемого к именам женщин и детей ханского рода (ср. также тюркский титул жены хана или знатной дамы *ханым* и *ханум*, от *хан* с тем же суффиксом, что и *тарым*): *тарым* употреблялся и как княжеский титул.

На Руси носители этого титула назывались *торханы*, а позже *тарханы* и *тарханщики*. Их исключительные права обеспечивались специальными *тарханными* или *тархальными грамотами* (*тархальный* получилось из *тарханный*, так же как *песельник* из *песенник* — путем расподобления двух *н* в сочетание *л*ʰ*н*). Об особых правах тарханов можно прочитать статью востоковеда С. М. Шапшала «К вопросу о тарханных ярлыгах» (сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953).

В русском языке значение слова *тархан*, даже фонетически не изменившегося, пошло в сторону семантической деградации. Как указано в Словаре Даля, в тамбовских, пензенских и саратовских говорах *тарханом* назывался «прасол, маяк, скупщик по деревням холста, льну, пеньки, шкур или мерлушки, щетины и пр.; он же торгует мелочным товаром, и меняет. Тархан на промысел идет с мешком и облыжным безменом, а домой едет на возу».

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» от-

мечает это слово как устарелое и областное, приводя такие примеры: «*По всему саду раздаются голоса и* скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город» (Бунин. Антоновские яблоки); «Кругом по немощеным улицам ютится в почернелых, покосившихся хибарках мещанство, верой и правдой служившее его степенству ссыпщику, тархану, лесопромышленникам и прочим благодетелям» (Серафимович. Тающие церкви).

Результаты развития полногласия в тюркском заимствованном слове *тарқан* на русской почве отражены не только в названии насекомого *таракан*, но и в топонимах Тъмуторокань (древнее название современного города Тамань; сейчас стало традиционным написание Тмутаракань) и Асторохань (одна из старых форм названия современной Астрахани). Во второй части этих названий *-торокань, -торохань* скрывается тот же самый древний тюркский почетный титул *тарқан, тархан* с развившимся уже в древнерусском языке *полногласным сочетанием оро* из *ар* (или *ор*); следовательно, это «родные братья» нашего *тархана — торокана — таракана.*

Если в русском *торокан* отражено древнее развитие полногласного сочетания *оро*, то такой же процесс мы должны были бы ожидать в украинском языке. Возможно, что такая форма когда-то существовала и здесь, но впоследствии была обновлена, вытеснившись исходной первоначальной тюркской формой *тарқан* или с озвончением согласного *к*: тарган.

Таким образом, наименование не облагавшегося никакими налогами «домашнего животного» и незваного жильца дома *таракана*, оказывается, происходит от весьма почетного тюркского титула *тархан.* В нем скрыта уже давно забытая шутка, о которой теперь можно только догадываться. «Рыжий и усатый таракан» детских стихов К. И. Чуковского «Тараканище», который по-русски точнее называется прусаком, тоже имеет шутливое происхождение — от воинственных жителей Пруссии. Слово *пруссак* со значением 'житель Пруссии', как и топоним Пруссия, стали даже писать на немецко-латинский лад с удвоенным *сс*, чтобы отличить его от насекомого. В украинском языке и то и другое стало *прус.* А вот поляки название насекомого prusak переделали в rus, откуда чешское rus и немецкое Russe, совпавшие, таким образом, с названием русских. Есть у поляков и persak — буквально 'персидское (насекомое)'. В некотрых европейских языках тараканы называются по имени немецкого племени швабов: немецкое die Schwabe, Schabe 'таракан', die deutsche Schabe 'прусак' (дословно 'немецкий таракан'), чешское šváb, польское szwab, сербскохорватское *буба шваба* 'таракан-прусак' и т. д.

Из русского слово *таракан* вошло во многие языки. О литовском уже говорилось. В польский оно вошло, испытав большие преобразования: известны польские формы karakan (с уподоблением согласного *k* последующему *-k-*, возможно, не без влияния тюркского прилагательного *кара* 'черный'), karakón, karaczan, barakán, karaluch. В чешском языке диалектное tarakán 'таракан' получило также переносное шутливое значение 'содержатель гостиницы'. Отмеченные в Словаре В. В. Радлова казанско- и тобольско-татарские *таракан* и алтайское *таракан*, которые раньше считались источником русского слова, по мнению М. А. Рясянена, также являются заимствованиями из русского языка. Проникло это русское наименование и в некоторые другие языки: ср. марийское *тара́кан*, чувашское *таракан*, коми-зырянское *торокан*, мансийское *таракан.*

Мы видели, что для выяснения происхождения даже такого незначительного слова, как *таракан*, исследователь должен привлекать многочисленные, порой весьма неожиданные факты из самых разных языков. Этимологическое объяснение только тогда становится убедительным, когда устанавливается несомненная связь между многими явлениями и когда получают объяснения все особенности звучания и значения рассматриваемых слов.

И. Г. ДОБРОДОМОВ